

А. А. ГОРЕЛОВ

ПАМЯТИ В. Я. ПРОППА (1895–1970)¹

<...> Владимир Яковлевич Пропп — крупнейший представитель современной советской фольклористики, чьи труды заняли выдающееся место в истории русской науки о народном творчестве.

Обладатель многогранного дарования, В. Я. Пропп был исследователем поэзии народа и этнографом, музыкой и историком общественной мысли, лингвистом и литературоведом. Признанный авторитет в области истории и теории фольклора, он явился создателем плодотворных генетических концепций, новатором в области конкретной методологии научных разысканий, энциклопедически эрудированным систематиком и аналитиком разнообразнейших жанров народнопоэтического искусства, и в первую очередь сказок, былин, устной лирики, исторической песни, легенды. Его классические исследования, воздействие которых ощутительно сказалось в трудах нескольких поколений отечественных фольклористов, продолжают вербовать сторонников и порождать дискуссии. Его оригинальные идеи влияют на живые процессы развития народознания.

Повседневное общение нивелирует масштаб человеческой личности. Но те, кому пришлось лично узнать Владимира Яковлевича — скромнейшего человека, мудрого опекуна студенческой молодежи, доброго советчика в вопросах науки, — могли оценить внимательность и принципиальность этого ученого с мировым именем. Его оценки поощряли и стимулировали исследования. Его тактичность и бережное отношение к проблескам самостоятельной мысли были лучшей школой научного воспитания.

¹ Впервые опубл.: Русский фольклор. Л., 1972. Т. 13: Русская народная проза. С. 253–257.

Преподаватель Ленинградского государственного университета в течение сорока лет, профессор В. Я. Пропп принадлежал к той плеяде блестящих университетских ученых и педагогов, которыми гордится наука. Его исследовательскому мышлению было свойственно оперирование обширными фольклорными массивами, целостность их восприятия как явлений искусства, стремление открыть закономерности, управляющие жизнью этих массивов. С присущим ему органически чувством историзма В. Я. Пропп прослеживал диалектику жанров от их истоков до трансформации в новое качество, стремясь при этом учесть множественность взаимо влияющих фольклорных и иных социально-культурных факторов. Прочность и надежность построений В. Я. Проппа зиждалась на индуктивном методе разработки материала. Фактической насыщенностью исследований определялась обоснованность общих выводов. Отсутствие питета перед именами, антиавторитарность расковывали мысль. Простота и прозрачность языка, логическая стройность композиций неизменно обеспечивали статьям и книгам ученого широкую читательскую аудиторию.

Книги В. Я. Проппа — книги идей, притом идей, нередко далеко опережавших достигнутый уровень науки, что самым непосредственным образом отражалось на их судьбе.

На рубеже 20-х гг. нашего <XX> века, когда поток эмпирии захлестывал сказковедение, замечательный филолог М. Н. Сперанский выражал резонные сомнения в том, что в исследовании сказки удастся сколько-нибудь скоро перейти к теоретическому обобщению материала. Именно в это время преподаватель немецкого языка В. Я. Пропп с увлечением изучал сборник А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки». Уже в 1926 г. он доложил Сказочной комиссии Русского географического общества первые итоги своих наблюдений над структурой сказки. В 1928 г., благодаря содействию В. М. Жирмунского, В. Я. Пропп публикует в издательстве «Academia» небольшую книгу «Морфология сказки», в которой излагалась совершенно новая теория сказочной структуры.

Изучение материалов собрания А. Н. Афанасьева увенчалось открытием, неожиданным по своей простоте: неизменным элементом сказок выступили функции действующих лиц. Был найден первоэлемент жанровой структуры, благодаря которому выяснилась ограниченность функций героев волшебной сказки, одинаковая последовательность этих функций, их парность, что позволило в итоге выявить однотипность строения всех волшебных сказок, «чудесное единство» бесконечно многообразных сказочных вариаций. Исследователь подводил читателя к пониманию особой логической структуры сказки, фиксирующей архаическую фазу художественного мышления человечества. Волшебная сказка была понята как миф, а это разрешало по-новому ставить вопрос о генетическом изучении жанра.

«Морфологические разыскания <...> следует связать с изучением историческим, что *пока* (выделено мною. — А. Г.) не может войти в нашу задачу», — писал В. Я. Пропп, подчеркивая, что без «правильной морфологической разработки» невозможна «и правильная историческая разработка» народной сказки². Тем не менее эта ясная позиция исследователя, поддержанная положительными отзывами его учителя Д. К. Зеленина и В. Н. Перетца, была в значительной степени искажена в критике 30-х гг., воспринявшей историко-структуральный метод автора как проявление формализма. Лишь в конце 50-х гг. новое прочтение книги фольклористами разных стран позволило оценить универсальное значение методологии В. Я. Проппа и продолжить начатую им работу. С 1958 г. «Морфология сказки» переиздавалась на русском, английском, французском, немецком, польском, итальянском и румынском языках десять раз.

Самим автором книга о структуре сказки мыслилась как первая часть сказковедческой дилогии, завершенной опубликованным в 1946 г. томом «Исторические корни волшебной сказки».

Расценивая волшебную сказку как явление интернациональное, порожденное единством стадий исторического процесса развития разных народов мира, В. Я. Пропп избрал для объяснения причин возникновения сказки путь изучения многообразных условий первобытной действительности, формировавших элементы и последовательность сказочных композиций. Древнейшей основой сказки выступили циклы инициации и цикл представлений о смерти.

«Мы нашли, что композиционное единство сказки кроется не в каких-нибудь особенностях человеческой психики, не в особенностях художественного творчества, оно кроется в исторической реальности прошлого. То, что сейчас рассказывают, некогда делали, изображали, а то, чего не делали, представляли себе», — писал автор, подводя итоги исследования³. Оказалось, что обычай и представления доклассового общества сформировали тот конструктивный «каркас» волшебных сказок, на который позднее насылались впечатления и представления обновлявшейся жизни. Генетическое рассмотрение сказки подвело исследователя не только к новому осознанию того, что процесс перерождения мифа в сказку означает «открепление сюжета и акта рассказывания от ритуала», но и к очевидному уяснению того, что «освобожденная от уз религиозных условностей, сказка вырывается на вольный воздух художественного творчества, движимого уже иными социальными факторами, и начинает жить полнокровной жизнью»⁴.

² Пропп В. Я. Морфология сказки. 2-е изд. Л., 1969. С. 82, 21.

³ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946. С. 330.

⁴ Там же. С. 334.

Там, где кончалась одна книга, начиналась другая. В finale «Исторических корней волшебной сказки» звучит мысль о том, что «изучение отдельных сюжетов представляется более трудным, чем изучение композиционного сходства»⁵. К такому исследованию В. Я. Пропп и переходил: его привлекла русская героическая былина, гораздо более богатая собственно историческими связями и необычайно трудная возможностями приурочении сюжетов в границах известных эпох.

Дореволюционная историческая школа фольклористики, скомпрометировавшая себя формальным, основанным на внешних совпадениях прикреплением эпических сюжетов к древнерусским событиям и именам деятелей киевско-новгородского периода, подверглась справедливой критике в работах советских ученых 20–30-х гг. (А. П. Скафтымова, Ю. М. Соколова и др.). Однако несмотря на большие успехи новой, марксистско-ленинской науки в осмыслении русского исторического процесса, несмотря на заметное накопление материала в конкретных фольклорных исследованиях (А. М. Астахова, А. А. Морозов, Р. С. Липец), по существу наша фольклористика к середине 40-х гг. еще не имела фундаментальных трудов в области изучения былин. В. Я. Пропп после десятилетней работы осуществил в монографии «Русский героический эпос» (1955) достаточно полное и систематическое обозрение сюжетов русской былины в исторической последовательности.

Ученый принципиально по-новому подошел к освещению взаимоотношений былины и истории. В. Я. Пропп допускал возможность того, что «в основе и летописного рассказа и былины лежит имевший место исторический факт»⁶, отмечал, что эпос в своем развитии «все больше и больше сближается с историей»⁷. Но понятие историзма былины как произведения художественного заключалось для него прежде всего в признании историзма поэтического вымысла, вызванного к жизни исторически объяснимой и обусловленной потребностью народа, — вымысла, нередко пронизанного весьма конкретными историческими ассоциациями, но несводимого к элементарному тождеству: факт истории — сюжет былины. Термины «основа былины» и «эпический сюжет» никогда не уравнивались под пером В. Я. Проппа. С блеском раскрылось в книге мастерство типологических сопоставлений. Сравнение русской былины с эпическими произведениями других народов СССР помогло при гипотетических реставрациях ранних эпизодов развития восточнославянского эпоса. Отчетливо выступило в монографии и богатое эстетическое чувство исследователя, как бы приглушенное в предшествующих книгах, а теперь — при пере-

⁵ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. С. 337.

⁶ Пропп В. Я. Русский героический эпос. Л., 1955. С. 337–338.

⁷ Там же. С. 225.

листванием наиболее художественных страниц истории былин — обретшее полную силу звучания.

Капитальный труд, проникнутый идеями народности и величия русского эпоса, был воспринят как яркая патриотическая акция советской фольклористики. Два года спустя он вышел вторым изданием⁸.

Отличительной чертой В. Я. Проппа была способность приводить мозаически пестрый материал исследования к некоему общему знаменателю, разгадывать систему, закон ее внутренней организации. Этот аналитический дар, сказавшийся при изучении сказки, былины, вновь проявился в книге «Русские аграрные праздники» (1963). В этой собственно этнографической работе В. Я. Пропп рассмотрел календарную обрядность в сцепленности празднеств годового сельскохозяйственного цикла, установив разительное родство структур его сезонных слагаемых. Книга подтвердила глубокую справедливость трудовой теории происхождения русских народных праздников.

Последней большой монографической работой, законченной Владимиром Яковлевичем, была «Теория комического», основные идеи которой ученый развивал при чтении специального курса по поэтике в стенах Ленинградского университета в 1967 г. Как и в прежних трудах, В. Я. Пропп сосредоточил свое внимание на самой сущности рассматриваемого явления, но речь об этой своеобразной книге еще впереди — после ожидаемого вскоре выхода ее из печати⁹.

Появление «Теории комического» могло бы показаться неожиданным, если бы ее не соединяла с написанным прежде шестая книга В. Я. Проппа. Она писалась всю жизнь, но не похожа на упомянутые выше, потому что процесс создания ее перемежал «эпические» труды, был необходимой разрядкой и отвлечением от них, «лирическим отступлением» исследователя, злободневным откликом на вспыхивавшие споры, иногда — прибавлением к написанному, иногда — сознательным уклонением в пограничную область. Эта книга, издание которой должно быть непременно осуществлено, — статьи В. Я. Проппа, появлявшиеся в течение 1928—1970 гг.

Среди ее «глав», естественно, должны быть помещены в первую очередь такие исчерпывающие, основанные на громадном сравнительно-культурном материале работы, как «Эдип в свете фольклора» (1945), этюды по истории поэтики («Язык былин как средство художественной изобразительности», 1954), частные очерки жанров народного творчества («Легенда», 1955; «О русской народной лирической песне», 1961), статьи о фольклористических взглядах революционеров-демократов, суждения которых

⁸ Пропп В. Я. Русский героический эпос. 2-е изд. М., 1958.

⁹ Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. М., 1976. — Ред.

повлияли на ряд концепций В. Я. Проппа (1953, 1957), образцовые разборы устнopoэтических сюжетов («Песня о гневе Грозного на сына», 1958), заметки по текстологии народной поэзии (1956), основательные полемические выступления о природе сказки и историзме былин (1956, 1962), последний из прочитанных ученым докладов — о сюжетной перекличке русского средневекового иконописания с фольклором (15.IV.1970). Центральную часть книги должны, естественно, составить статьи о художественной специфике народного творчества¹⁰.

Мысль о фольклоре как особой эстетической субстанции принадлежала к числу наиболее дорогих В. Я. Проппу идей.

В 1946 г. учений так говорил о заблуждении старой академической науки: она «включала фольклор в литературу и рассматривала фольклористику только как часть литературоведения». И с удовлетворением отмечал, что марксистско-ленинская фольклористика находится на пути самоопределения, становясь «самостоятельной наукой»¹¹. Проходят годы, и предвидение учченого сбывается. Фольклористика, не теряющая связей с литературоведением, языкоzнанием, все более обособляется как специальная отрасль народоведения. Но по-прежнему не снимается проблема выработки иммунитета против традиционно-зауженного восприятия фольклора — только как устной литературы — и против безоговорочного перенесения методов литературоведения в анализ фольклора. Поэтому В. Я. Пропп время от времени публиковал статьи программно-теоретического характера, пафос которых был направлен на выяснение качественной «особности» народной поэзии: «Специфика фольклора» (1946), «Фольклор и действительность» (1963), «Принципы классификации фольклорных жанров», «Жанровый состав русского фольклора» (1964).

Занятый собственными теоретическими исследованиями, В. Я. Пропп находил время для большой работы по изданию русской фольклорной классики («Народные русские сказки А. Н. Афанасьева», 1961; «Северорусские сказки в записях А. И. Никифорова», 1961; «Народные лирические песни», 1961 и др.), подготовил к печати неопубликованные труды И. И. Толстого, Б. В. Томашевского, И. П. Еремина. Ученый выступил редактором многочисленных фольклористических материалов для информационного журнала немецкой Академии наук «Demos», которые служили и служат целям международной пропаганды достижений отечественной науки. Невозможно переоценить каждодневную бескорыстную работу В. Я. Проппа по прочтению массы

¹⁰ Статьи В. Я. Проппа были опубликованы в подготовленном Б. Н. Путиловым сборнике: *Пропп В. Я. Фольклор и действительность: Избр. статьи / сост., ред., предисл. и примеч. Б. Н. Путилова. М., 1976. — Ред.*

¹¹ *Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. С. 5.*

трудов фольклористов нашей страны, с которыми исследователь щедро делился своими научными раздумьями, соображениями и которым помогал консультациями, отзывами, рецензиями.

Владимир Яковлевич мерил свою жизнь мерой труда, отданного людям. Это была мера честности, мера ответственности перед народом, хотя он никогда не говорил о себе высоких слов. <...> Но река жизни течет в том направлении, куда был устремлен взгляд ученого-гуманиста, и долг его последователей — отдать все силы служению истине.